

Александр Киклевич
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

РУССКАЯ ШКОЛА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ: ПОСТУЛАТЫ, НАПРАВЛЕНИЯ, ПЕРСОНАЛИИ

Введение

Поскольку грамматика представляет собой наиболее сложноорганизованный раздел языковой системы — тот ее уровень, где во взаимодействии различных факторов формируются коммуникативные единицы, то функциональный подход к изучению грамматических единиц выглядит естественным и очевидным. Грамматический уровень языка включает два субуровня: морфемику (морфологию) и синтаксис. В соответствии с этим делением одни версии функциональной грамматики ориентированы на морфемику, как, к примеру, теория А.В. Бондарко, другие же, например, теория С. Дика, ориентированы на синтаксис.

Под функциональной грамматикой понимается лингвистическая дисциплина, изучающая грамматические формы, значения и категории с точки зрения их коммуникативно-прагматической реализации в речи (Lewandowski 1984, 316; Ehrich 1990, 9). В рамках функциональной грамматики интегрируются синтаксическое, семантическое и прагматическое описание языковых единиц (Reyer 1997, 10).

Основы функциональной грамматики в русском языкознании заложил А. М. Пешковский (2001; первое издание — 1914). Ю.Д. Апресян подчеркивает, что Пешковский исходил из того, что «синтаксические конструкции, как и прочие единицы языка, являются средством выражения значений» (2001, XI). Значительный вклад в развитие функционального направления грамматических исследований внесли русские языковеды: Т.П. Ломтев, В.А. Звегинцев, Ю.С. Маслов, А.А. Холодович, В.Н. Ярцева, О.А. Лаптева, В.Г. Гак, Ю.С. Степанов, Т.Б. Алисова, Т.В. Булыгина, Н.Ю. Шведова, В.С. Храковский, Е.В. Падучева, Н.А. Слюсарева, М.И. Откупщикова, П.П. Шуба, В.З. Санников, И.М. Бо-

гуславский и др. В следующих разделах будут рассмотрены наиболее известные теории функциональной грамматики.

1. Функциональная грамматика в версии А.В. Бондарко

По определению А.В. Бондарко, главы Санкт-Петербургской лингвистической школы,

функциональная грамматика — это грамматика, а) включающая описание семантических категорий, опирающихся на различные средства грамматического выражения в данном языке в их взаимодействии со средствами лексическими и контекстуальными [...]; б) направленная на описание закономерностей и правил функционирования грамматических форм и конструкций, участвующих во взаимодействии с единицами разных уровней языковой системы в передаче содержания высказывания (1983, 32; см. также: 1985, 16).

В центре внимания находится функционирование грамматических единиц, которое понимается как 1) выбор необходимых для передачи смысла высказывания грамматических средств; 2) соотнесение грамматических моделей высказывания (структурных схем) с правилами их лексического наполнения; 3) взаимодействие грамматических единиц с единицами других уровней. Описывая грамматические формы и категории в функциональном аспекте, Бондарко, во-первых, определяет основное значение данной формы, т.е. проводит ее анализ по принципу «от средства к функции»; во-вторых, определяет языковые средства, которые, кроме данного, выражают аналогичную семантику, т.е. проводит анализ по принципу «от функции к средствам»; в-третьих, определяет инвариантные (обязательные) и варианты (факультативные) семантические признаки.

Основным принципом функциональной грамматики является построение функционально-семантических полей (ФСП):

Функционально-семантическое поле — это двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне (1983, 40).

ФСП — один из возможных типов полевых структур в естественном языке, классификация которых проведена в работе: Sommerfeldt, Starke 1984, 21. ФСП представляет собой иерархическую систему, включающую три уровня: 1) группировки ФСП; 2) комплексы ФСП и 3) от-

дельные ФСП. К сожалению, не всегда четко определяется, почему те или иные функциональные классы объединяются или не объединяются в одно ФСП. Например, нет ФСП юнктивности, которое объединяло бы союзы и другие средства связи предложений в тексте.

При выделении ФСП исходным моментом является грамматическая категория и соответствующий ей набор формальных, прежде всего — морфологических средств:

[...] Из множества смыслов, выражаемых в текстах на данном языке, необходимо отобрать категориальные смыслы. Речь идет о тех смыслах, которые в своем языковом воплощении не только выражаются так или иначе в речи, но и принадлежат строю языка, лежат в основе грамматических (и лексико-грамматических) единиц, классов и категорий (1983, 52).

В связи с этим отметим, что выделяемость «категориальных смыслов» как раз в значительной степени и зависит от строя языка — например, синтетического или аналитического. Поэтому не удивительно, что функциональная теория Бондарко ориентирована на грамматические (морфологические) категории (что автор признает и сам: 1985, 29), а, например, теория С. Дика (см. далее) — на синтаксические категории.

Бондарко выделяет четыре группировки ФСП: 1) с акциональным ядром; 2) с предметным ядром; 3) с квалитативно-квантитативным ядром; 4) с обстоятельственным ядром. Как видим, группировки ФСП в целом соответствуют четырем «полнозначным» частям речи: глаголу, существительному, прилагательному и наречию. Это, к сожалению, изначально обрекает классификацию на неполноту: за пределами внимания оказываются семантические признаки, составляющие сферу действия «неполнозначных» частей речи (или операторов) — союзов, предлогов, частиц и др. Данный пробел представляется тем более досадным, что именно единицы этого типа как раз и нуждаются в функциональном анализе, потому что с формально-грамматической точки зрения всевозможные «частицы речи», как их называл В.В. Виноградов, описываются довольно плохо.

Группировки — это максимально широкие объединения ФСП. Они состоят из комплексов, например, группировка с акциональным ядром:

1. Комплекс ФСП аспектуально-темпоральных отношений.
 - 1.1. ФСП аспектуальности.
 - 1.2. ФСП темпоральности.
 - 1.3. ФСП таксиса (временные отношения между действиями).
2. Комплекс ФСП модально-бытийных отношений.
 - 2.1. ФСП объективной модальности.
 - 2.2. ФСП субъективной модальности.

- 2.3. ФСП аффирмативности/негативности.
- 2.4. ФСП повествовательности/вопросительности.
- 2.5. ФСП бытийности (экзистенциальности).
3. Комплекс ФСП акционально-субъектно-объектных отношений.
 - 3.1. ФСП залоговости.
 - 3.2. ФСП персональности.
 - 3.3. ФСП состояния.

Строгая иерархическая упорядоченность этой системы только кажущаяся, в действительности

взаимные связи и пересечения, касающиеся как отдельных полей в рамках каждой из указанных группировок, так и отношений между группировками, свидетельствуют о сложной многоаспектной системности всего комплекса ФСП (Бондарко 1983, 42).

Не всегда ФСП сопоставимы по уровню обобщенности: в одних случаях они группируются вокруг грамматических (морфологических) категорий, в других — представляют собой «комплексы более частных ФСП». Впрочем, как раз раскрытие системных связей и взаимодействия ФСП, по определению Бондарко, является одной из важнейших задач функциональной грамматики.

Различаются моно- и полицентрические ФСП: ядро первых составляет некоторая фиксированная грамматическая категория, например, вида. Во втором случае имеется несколько грамматических категорий, составляющих ФСП, таково, к примеру, поле количественности, которое опирается на грамматическую категорию числа, а также на грамматический класс числительных, количественно-именные сочетания и др.

Конкретное описание ФСП сводится к двум задачам: 1) описанию инвентаря средств выражения определенного круга смыслов и 2) выявлению структуры поля, т.е. выделению элементов ядра и элементов периферии.

Функциональная грамматика Бондарко строится по принципу асимметрического дуализма С.О. Карцевского: с одной стороны, рассматривается исходная грамматическая категория и множество соответствующих ей в предложении и тексте функций; с другой стороны, рассматривается множество альтернативных, в том числе и неграмматических средств выражения каждой из отмеченных семантических функций (см. также: Shin 1993, 47 сл.). Таким образом, внутренняя динамика ФСП базируется на единстве синонимии и полисемии, т.е. отражает общие закономерности существования и развития системы языка.

В рамках функциональной грамматики Бондарко как бы на периферии находятся уже упоминавшиеся синтаксические операторы — нефлексийные части речи, которые, не имея морфологических характеристик, однако выполняют ряд важнейших семантических функций. Кроме того морфологический критерий определения ядерных группировок лишает систему ФСП универсальности, ограничивая возможности ее применения рамками синтетических (флективных) языков.

Функциональная грамматика Бондарко, базирующаяся на идее понятийных категорий О. Есперсена, представляет собой одну из версий так называемых естественных классификаций. В отличие от таксономии традиционного — дискретного типа, естественная классификация допускает 1) возможность отклонения от единого основания членения; 2) неполную однородность семантических признаков, присущих таксонам; 3) возможность пересечения классов (Бондарко 1983, 11). Поэтому в фундаментальное теоретическое положение функциональной грамматики звучит:

Функционально-грамматическое исследование стремится раскрыть особого рода [...] систему взаимодействия грамматической формы, лексики и контекста (там же, 3).

Функциональная грамматика может быть определена как грамматика [...] ориентированная на изучение и описание закономерностей функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, участвующими в передаче смысла высказывания [...] (1984, 5).

Бондарко подчеркивает интегративный характер данного лингвистического направления, которое объединяет

те разнородные языковые средства, которые в грамматике, базирующейся на форме, рассматриваются в разных частях грамматического описания — морфологии, словообразовании, синтаксисе (1984, 13).

Это позволяет выявить «сложные средства», получаемые в результате комбинирования морфологических, лексических, синтаксических, контекстуальных единиц, «скрытые в сложных закономерностях взаимодействия грамматики и лексики, грамматики и контекста, морфологии и синтаксиса и т.п.».

Как уже указывалось, грамматическая категория в функциональной грамматике представляет собой поле, в котором выделяются центральная и периферийная зоны. На периферии поля не только расположены менее регулярные средства выражения того или иного категориального значения, но и наблюдаются явления переходности от грамматики к лексике, а также в отношениях между грамматическими категориями

(Бондарко 1983, 45). Диффузность языковой системы рассматривается как универсальное свойство всех естественных систем — знаковых и незнаковых. Исследователи признают, что целостность сложного объекта предполагает иерархию составляющих его структур, а одним из важнейших признаков целостного объекта является взаимодействие активного центра и фона.

2. Функциональная грамматика в версии М.А. Шелякина

Русский лингвист М.А. Шелякин предложил целостную систему функционального описания грамматики языка — морфологии и синтаксиса. Исследователь считает, что функциональное направление в языке вытекает из структурной лингвистики, хотя вносит и свою новизну: «система языка понимается [...] как целое, состоящее из элементов, обладающими определенными функциями в речи человека» (2001, 6).

В основе функционального подхода, в его понимании Шелякиным, лежит ориентация на коммуникативную функцию языка. Функциональная грамматика

ставит перед собой задачу определить функциональный диапазон (потенциал) своих единиц, структур, целых классов и др. в системе языка и речи. [...] Уделяет специальное внимание описанию условий (среды) реализации каждой функции [...] рассматривает каждую функцию в единстве со спецификой ее знакового носителя (там же).

Шелякин кроме того подчеркивает важность таких задач функциональной грамматики, как установление связи разных функций в языке и речи, а также выделение «однородных типов функций, в пределах которых фиксируется их дифференциация».

Различаются две версии функционального подхода в современной теории грамматики (см. также: Камалова 1998, 11 сл.). Первый подход Шелякин квалифицирует как ономазиологический (идеологический, идеографический): он основывается на изучении грамматики и языковой системы в целом по принципу «содержание — средства выражения» (там же, 7), как, например, в лингвистической концепции А.В. Бондарко.

Данная стратегия функционального изучения грамматики понимает функцию как результат использования грамматической системы в речи во взаимодействии с другими уровнями языка и носит наиболее «поисковый» и дискуссионный характер (там же).

Шелякин является сторонником другого подхода — семасиологического, в основе которого лежит изучение грамматики по принципу

«средство выражения (носитель функции) — функция». Так, при описании функциональной морфологии исходным пунктом является грамматическая форма слова; для выделенных классов грамматических форм определяются соотносимые с ними классы грамматических значений (или функций — различие этих понятий для Шелякина не существенно). Отдельно описываются функции лексико-грамматических разрядов и словоформ существительных, прилагательных, глаголов, наречий, частиц и междометий. Так, при описании категории вида определяется конститутивный признак данной категории — предельность/непредельность, а также частные значения совершенного вида (конкретно-фактическое, суммарное, налично-результативное) и несовершенного вида (конкретно-процессное, конативное, значение незавершенности прерванного действия, неограниченно-продолжительное, потенциально-постоянное). Описываются также типы употребления видовых форм, их синтаксические и текстовые функции, а также аспектуальные разряды глаголов, т.е. способы глагольного действия.

3. Функциональная классификация частей речи **М.И. Откупщиковой**

При классификации лексики одной из наиболее продуктивных считается дистрибутивная методика. Она основывается на сходстве сочетаемости слов. Преимуществом дистрибутивного подхода является объективный характер классификации, ведь он позволяет определить группировки знаков независимо от интуиции исследователя (в любом случае — при его минимальном «участии»), т.е. исключительно с опорой на синтагматическое «поведение» слова. Одним из примеров дистрибутивно-статистической классификации частей речи является работа А.Е. Супруна (1971). Немецкий славист С. Кемпген, негативно оценивший это исследование, критически высказывается по отношению к самому дистрибутивному методу: по его мнению, пользуясь этим методом, исследователь — будучи независимым от своей интуиции — попадает в зависимость от языковых контекстов, т.е. описываемых синтагматических групп: поскольку их количество принципиально не ограничено, нельзя быть уверенным в том, что все репрезентативные контексты исчерпаны (Kempgen 1981, 55).

Другой немецкий исследователь, В. Флеммиг (Flämmig 1977, 41 сл.) предупреждает, что, пользуясь дистрибутивным критерием, можно выделить довольно большое число мелких лексических классов, которым нельзя приписать статуса частей речи.

Ц. Перникарский (Piernikarski 1990, 204) указывал, что в оптимальном случае дистрибутивный подход должен сочетаться с референциальным (номинативным), потому что кроме «техники» сочетаемости существуют более глубокие структурные основания для группировок языковых единиц.

Части речи являются максимально широкими парадигматическими классами в языке. Известно, что в грамматической традиции части речи определяются на основе трех типов признаков: 1) грамматических (или морфологических), которые считаются основными; 2) лексико-семантических и 3) синтаксических. Комплексный подход к определению частей речи объясняется сложностью и многоаспектностью содержания единиц языка.

М.И. Откупщикова указывает, что функциональное определение частей речи возможно с использованием нескольких критериев: 1) синтаксической сочетаемости слова (в синтагме); 2) синтаксической функции слова (в предложении) и 3) словоизменения (1978, 51). При этом синтаксическая сочетаемость может быть активной или пассивной — в зависимости от того, какими словами (или позициями) данная единица «управляет» и какими «управляется». Этот важный признак позволяет, например, различать предикативные и непредикативные наречия (см. таблицу 1).

Таблица 1. Классификация наречий (согласно М.И. Откупщиковой)

	Наречие	Предикативное наречие (категория состояния)
Могут управлять	Вспомогательным глаголом или связкой	
	нет	да: <i>было/будет, стало/станет холодно</i>
	Инфинитивом	
	нет	да: <i>целесообразно отметить</i>
	Придаточным предложением	
	нет	да: <i>жалко, что он не придет</i>
	Существительным в дат. пад. в функции субъекта	
	нет	да: <i>мне грустно</i>
	Другим наречием (степени)	
	да: <i>очень весело (смеется)</i>	да: <i>мне очень грустно</i>
	Существительным с предлогом (не в субъектной функции)	
	да: <i>вблизи от дома</i>	да: <i>мне стало грустно от этого</i>
	Союзным словом	
	да: <i>идет туда, где его не ждут</i>	да: <i>неизвестно, куда он уехал</i>
Существительным не в субъектной функции		
да: <i>наперекор ему</i>	нет	

Могут управляться	Другим наречием	
	да: <i>глаза очень холодно поблескивали</i>	нет
	Любой формой глагола	
	да: <i>весело смеется, весело танцует</i>	нет
	Существительным	
	да: <i>яйца всмятку, движение вспять</i>	нет

Однако для строгого выделения некоторых частей речи названных критериев, по мнению Откупщиковой, недостаточно, что особенно важно для такого класса слов, как местоимения, которые не обладают ни морфологическим, ни лексико-семантическим, ни синтаксическим единством. Откупщикова считает, что в этом случае необходимо привлечение нового критерия — текстового, а именно — учета функционирования слова на уровне связного текста.

4. Функциональный синтаксис в версии Г.А. Золотовой

Функциональное направление в синтаксисе разрабатывается Г.А. Золотовой, начиная с 70-х годов XX века (1973; 1982; 1988 и др.). В работе Золотова, Онипенко, Сидорова 1998 функциональность трактуется как существенная характеристика синтаксических единиц, а функция определяется как predisposition элемента к определенному способу существования в системе других элементов (там же, 45).

Базовым понятием функционального синтаксиса считается синтаксема — носитель элементарного смысла (на уровне синтаксиса) и одновременно конструктивный компонент более сложных синтаксических выражений. Функциональная типология синтаксем опирается на понимании синтаксической функции как роли лексических единиц в создании единиц большего формата — словосочетаний и предложений (Золотова 1985, 87; 1988, 4). При этом различаются три типа синтаксических функций:

- 1) автономные — изолированное употребление единицы как свободной синтаксемы;
- 2) употребление единицы как члена предложения — функция обусловленных синтаксем;
- 3) употребление единицы как компонента словосочетания — функция связанных синтаксем.

Каждой конструктивно-семантической функции словоформ соответствует определенное количество синтаксических позиций. Например,

функция свободных синтаксисом реализуется, главным образом, в заголовках. Обусловленные синтаксемы выступают в таких позициях:

1) подлежащее или прямое дополнения («преддицируемый компонент предложения»);

2) сказуемое («преддицирующий компонент предложения»);

3) обстоятельство («ситуант»);

4) «полупредикативный усложнитель предложения».

Связанным синтаксемам свойственны следующие позиции:

1) приглагольная;

2) присубстантивная;

3) приадекативная или приадвербиальная.

Порядок функционального анализа отражен в «Синтаксическом словаре» (1988): сначала материал классифицируется по морфологическим признакам, т.е. падежным окончаниям, затем — с точки зрения функции и синтаксической позиции.

Предметом функционального описания синтаксических моделей являются семантические свойства типов предложений. Ср. фрагмент такого описания:

1. Глагольные предложения.

1.1. Информация о действиях лица: *Пахарь пашет; Врач лечит.*

1.2. Информация о функционировании предмета: *Мотор работает; Будильник звонит.*

1.3. Информация о состоянии лица или предмета: *Гость скучает; Рожь наливаются.*

2. Адекативные предложения: *Воздух тих; Учитель строгий.*

3. Субстантивные предложения.

3.1. Информация о принадлежности к классу: *Хорек — хищник; Москва — столица.*

3.2. Информация о свойствах лица или предмета: *Мандарины — с Кавказа; Записка — от Павла.*

3.3. Информация о свойствах времени или пространства: *Зима; Вдоль улицы сугробы.*

4. Адвербиальные предложения.

4.1. Информация о характеристиках предмета: *Яйца — всмятку; Метро — рядом.*

4.2. Информация о состоянии лица: *Всем весело; Детям страшно.*

4.3. Информация о состоянии среды: *На дворе морозно; В доме спокойно.*

5. Квантитативные — информируют о количественной характеристике предметов: *Любопытных — сотни; Картошки — полведра.*

Для каждой модели определяются дополнительные условия реализации: морфологическая форма субъекта действия, коммуникативный тип

речи и семантико-экспрессивные особенности. При этом различаются пять коммуникативных реестров (речевых жанров):

- 1) репродуктивный — представление положений дел;
- 2) информативный — информирование адресата о ситуациях и событиях при абстрагировании от конкретных временных и пространственных характеристик;
- 3) обобщающий — концептуализация данных;
- 4) волюнтаривный — выражение воли говорящего;
- 5) реактивный — вербальные реакции говорящего на окружающие события.

Комплексное, функциональное описание синтаксических моделей можно показать на примере инфинитивных предложений.

Таблица 2. Функциональная модель инфинитивных предложений

Тип инфинитивного предложения	Форма субъекта	Коммуникативный регистр	Семантико-экспрессивные характеристики
1. Акционально-экспрессивный: <i>Она — хохотать</i>	3-е, 1-е лицо, имен. пад.	Репродуктивный	Информирование о наблюдаемых (активных, неожиданных) действиях
2. Рефлексивный: <i>Что же делать? Забывать?</i>	1-е лицо, дат. пад.	Репродуктивный	Представление процесса рефлексии, выбора планируемых действий
3. Оптативный: <i>Только успеть! Закурить бы!</i>	1-е лицо, дат. пад.	Репродуктивный	Эмоциональное выражение желания, которое не согласуется с обстоятельствами
4. Эпистемический: <i>Быть грозе; Мне не дойти</i>	1-е, 2-е, 3-е лицо, дат. пад.	Информативный	Информирование с уверенностью о неизбежности события
5. Оценочно-характеризующий: <i>Тебя не переспорить</i>	1-е, 2-е, 3-е лицо, род. пад.	Информативный	Характеристика лица на основе обобщенного опыта, вытекающего из предшествующих контактов

5. Функциональный синтаксис в версии М.В. Всеволодовой

М.В. Всеволодова определяет свою версию функционального синтаксиса как прикладную или, другими словами, педагогическую — она

возникла в процессе преподавания русского языка как иностранного (2000, 3) — видимо, этим ее «прикладной» характер и ограничивается. Хотя московская исследовательница рассматривает свой «функционально-коммуникативный синтаксис» как альтернативу по отношению к академическим версиям функциональной грамматики — Г.А. Золотовой и А.В. Бондарко, в содержании этой теоретической концепции трудно найти принципиальные отличия от других функциональных теорий, хотя нет сомнения, что мы имеем дело с оригинальной конфигурацией, главным образом, семантических и коммуникативно-прагматических аспектов словосочетания и предложения. Всеволодову интересуют 1) семантическая система языка, в которой представлены объективные и субъективные значения; 2) реестр средств выражения языковых значений; 3) типология языковых форм с точки зрения их функционирования в речевых актах; 4) механизмы функционирования языковых категорий. Подчеркивается, что функционально-коммуникативный синтаксис занимается предложением не как структурной схемой (формально-грамматической моделью), а как единицей речи, употребляемой с учетом особенностей коммуникативного контекста.

Значительное место Всеволодова уделяет принципам синтаксической классификации слов. Традиционная система частей речи расширяется за счет новых классов: реляторов — имен отношений участников референциальной ситуации — примеры группы (а), экспликаторов — имен отношений между референтом именной группы и его свойством — примеры группы (б), а также классификаторов — имен классов, к которым принадлежат называемые явления — примеры группы (в):

(а)

Дожди привели к наводнению.

Дожди — причина наводнения.

Волк относится к хищникам.

(б)

Маша скромная.

Мальчик занимается рисованием.

Шаль — синего цвета.

(в)

Началась реакция окисления.

Ощущает чувство голода.

Относится к классу рыб.

Рассматриваются следующие типы семантических категорий: 1) функционально-семантические поля; 2) системы значений; 3) типовые ситуации и 4) денотативные роли. Первая из приведенных категорий, в целом, соответствует ее пониманию в грамматике А.В. Бондарко.

Функционально-семантическое поле делится на несколько уровней — в зависимости от типа формальной манифестации — морфологической, лексической, синтаксической или контекстной (внеязыковой). Каждая такая зона трактуется как система значений. Ср. систему значений грамматической категории времени глагола, выражаемых морфологическими средствами:

1. Настоящее время.
2. Ненастоящее время.
 - 2.1. Прошедшее время.
 - 2.1.1. Прошедшее время законченных действий.
 - 2.1.2. Прошедшее время незаконченных действий.
 - 2.2. Будущее время.
 - 2.2.1. Будущее время законченных действий.
 - 2.2.2. Будущее время незаконченных действий.

Другая система значений в функционально-семантическом поле темпоральности реализуется с помощью синтаксических средств. Ср. относящиеся к этой системе значения настоящего времени:

1. Настоящее время — основное употребление.
 - 1.1. Настоящее время — актуальное.
 - 1.1.1. Настоящее время процессное: — *Что вы тут делаете?* — *Помогаю Дуняше.*
 - 1.1.2. Настоящее время расширенное: *Давно он любит ее?*
 - 1.1.3. Настоящее время постоянное: *Земля вращается вокруг Солнца.*
 - 1.2. Настоящее время — неактуальное.
 - 1.2.1. Настоящее время абстрактное: *Я тебе всегда пишу именно в это время.*
 - 1.2.2. Настоящее время цикличное: *Левый берег низкий, его заливают в половодье.*
 - 1.2.3. Настоящее время типизированное: *Что имеем — не храним, потерявши — плачем.*
 - 1.2.4. Настоящее время качественной характеристики: *Птицы летают.*
2. Настоящее время — переносное употребление.
 - 2.1. Прошедшее время.
 - 2.1.1. Настоящее время историческое: *Валька за бугром из миномета палил. Вдруг меня зовут. Гляжу, лицо у него разворочено.*
 - 2.1.2. Настоящее время эмоциональной актуализации: *Это черт знает, что такое! Живешь смирно, никого не трогаешь, и вдруг тебя обзывают как нельзя хуже.*
 - 2.2. Будущее время: *Я будущей зимой уезжаю за границу.*

Типизированная ситуация представляет инвариант серии высказываний, информирующих о ситуациях однотипной структуры. Например,

семантический инвариант «определенный класс предметов существует, наличествует в определенном фрагменте пространства» реализуется в высказываниях:

Поначалу родным домом египетских цапель были Азия и Африка.
Лагуна не случайно стала пристанищем этих гусей.
В соленых озерах на побережье обитают фламинго.

Все лексические формы упорядочены здесь в соответствии с тремя семантическими, другими словами — денотативными, функциями: 1) экзистент — субъект существования; 2) фрагмент мира — локум; 3) отношение между экзистентом и локумом.

Языковые механизмы, в понимании Всеволодовой, — это характерные для языка свойства, которые обуславливают оптимальное функционирование языковых выражений. Например, существуют механизмы коррекции, которые регулируют содержательную и формальную правильность выражений; коммуникативные механизмы обеспечивают их контекстуализацию, т.е. вхождение в релевантный коммуникативный контекст. Перифразирование является механизмом, который позволяет поместить словоформу в наиболее приемлемую с определенной точки зрения, приоритетную позицию, в первую очередь это — позиция подлежащего:

На улице душно; ср.: На улице духота.
Увлекаться музыкой он начал рано; ср.: Увлечение музыкой началось у него рано.
Золотую медаль — дебютанту; ср.: Золотая медаль — дебютанту.

С учетом комплексности, многоаспектности лингвистического анализа богатого языкового материала — в формально-грамматическом, семантическом и коммуникативном аспектах, последовательности применения функционального подхода исследование Всеволодовой можно с полным правом считать одним из наиболее полных и репрезентативных функциональных описаний одного из современных этнических языков.

6. Функциональный синтаксис в версии З.Л. Новоженовой

З. Новоженова исходит из положения, согласно которому «семантическая ориентация синтаксических теорий» вытекает из ставшей актуальной необходимости описать «диалектическое единство формы и содержания в языке» (2001, 40). Опираясь на сложившуюся традицию (в частности,

на работы П. Адамца), исследовательница считает, что модель (структурно-семантический тип) (глагольного предложения. — А.К.) определяет способ синтаксического представления смысла предложения и является возможностью его структурирования, а также проявлением синтаксической категоризации действительности (там же, 85).

Из этого тезиса вытекает другое положение — о существовании типовых значений, соотносимых с грамматическими моделями предложений. Так, вслед за Т.В. Шмелевой различаются событийные и логические пропозиции: первые «портретируют» действительность, представляют референциальную ситуацию как отношение участников (например, субъекта и объекта действия), а вторые «сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях» (там же, 86). Необходимо, однако, заметить, что различие событийных и логических пропозиций, видимо, не связано с различием грамматических моделей предложения, потому что одна и та же модель может выражать пропозиции обоих типов, например, модель $S_{\text{ном}} - V - S_{\text{acc}}$:

Иван моет машину.
Иван чинит машины.
Иван читает Каутского.
Иван уважает соседа.

В основе предложенного Новоженовой функционального описания русских глагольных предложений лежит полевой подход: вводится понятие поля глагольных предложений как системно организованного фрагмента русского синтаксиса, содержащего массив простых предложений, базирующихся на личной форме глагола. В структуре поля выделяются зоны: центральная и периферийные, в зависимости от наличия или отсутствия у языковых единиц «определенных свойств» (там же, 82). В качестве основного критерия дифференциации зон Новоженова использует «антропологическую установку» содержания предложения, считая, что «антропологическое начало в языке проявляется [...] в системно-структурном плане на уровне категориально-семантических и грамматических абстракций» (там же, 88).

Таким образом, в синтаксической системе русского языка выделяются шесть зон — ядерные, приядерные и неядерные:

1. Модели действия и движения с акциональными предикатами.
 - 1.1. Модели физического действия.
 - 1.2. Модели движения и перемещения.
 - 1.3. Модели социальных и ментальных действий.
2. Модели процессов с функтивными и статуальными предикатами.
3. Модели состояния со статуальными предикатами.

4. Модели процессов с экзистенциальными (функтивными) предикатами.

5. Модели бытия с экзистенциальными предикатами.

5.1. Модели наличия/отсутствия.

5.2. Модели локализованного наличия (местонахождения).

5.3. Модели посессивного наличия (владения).

5.4. Модели квантитативного наличия (количества).

5.5. Темпоративная модель.

6. Модели со значением характеристики, отношений, классификаций с простыми глагольными и аналитическими предикатами, в состав которых входит глагол.

В зависимости от зоны различаются функции глагольного предиката. В ядерной зоне находятся собственно глагольные предложения, в которых полнозначный (изосемичный) глагол реализует свои валентностные свойства, определяя тем самым «компонентный состав модели предложения» (там же, 94). В приядерных и неядерных зонах находятся модели, в которых глагол выполняет связочную функцию и функцию экспликатора предикативных категорий предложения, например:

После смерти жены он стал еще замкнутее.

Это показалось нам особенно обидным.

Он считался состоятельным человеком.

Предикаты первого типа описываются как, преимущественно, референтные, т.е. соотнесенные с действиями, процессами, состояниями в действительности (перцептивно воспринимаемой или виртуальной), а предикаты второго типа — как нереферентальные, другими словами — характеризующие (там же, 103).

7. Функциональная модель предикатов состояния

А.А. Камаловой

В концепции А.А. Камаловой учитывается тот факт, что не существует единого способа классификации лингвистических объектов — методологический и эвристический плюрализм является характерной чертой научных дискурсов, особенно — современных. Так, исследовательница различает два подхода к значению: ономаσιологический и семасиологический (семантический) (1998, 12 ссл.). Для первого подхода характерно целенаправленное изучение языковых (обычно разноуровневых) форм номинации объектов действительности, признаков, состояний, событий

и т.д. К примеру, состояния в русском языке обозначаются не только лексическими и фразеологическими средствами (*радоваться, сиять, быть на седьмом небе* и др.), но также с помощью синтаксических и морфологических форм (*радость — радоваться — радостный; Он радуется — Ему радостно — У него радость — Он испытывает радость* и др.).

Камалова при этом подчеркивает специфический характер языковой номинации, которая не сводится к простому копированию явлений окружающего мира. Ссылаясь на *Тезисы Пражского лингвистического кружка*, она пишет, что «язык расчленяет действительность [...] на элементы» (там же, 12), а ссылаясь на А. Вежбицкую — что «ономазиологический аспект изучения языка — это изучение способа „языковлениа” мира» (там же, 13). Камалова пишет также о «концептуализации языком реального мира» (разрядка моя. — А.К.). Здесь, с моей точки зрения, кроется существенная методологическая неточность, характерная для современных исследований в области лингвокультурологии — мифологическая (с научной точки зрения ошибочная) персонификация естественного языка. В действительности язык как таковой не является субъектом концептуализации и никаким образом не расчленяет внешнюю действительность. В языке отражаются результаты познавательной деятельности человеческих (культурных) сообществ, при этом в зависимости от языкового стиля и варианта (социолекта) когнитивная информация в большей или меньшей степени релевантна с точки зрения актуальной культуры. Так, в научном стиле требуется адекватность языковой формы и структуры сообщения (текста) по отношению к описываемым положениям дел, здесь языковая (и текстовая) семантика максимально соответствуют культурной картине мира. В разговорном стиле, напротив, языковая семантика и внутренняя форма знаков могут существенно различаться: форма сообщения, скорее, опирается на языковую конвенцию, языковой шаблон, поэтому на ее основе нельзя строить гипотез о когнитивных состояниях субъектов. Например, было бы некорректным интерпретировать русское выражение

Солнце садилось

как реализацию когнитивной метафоры СОЛНЦЕ (НЕБЕСНОЕ СВЕТИЛО) — ЭТО ЧЕЛОВЕК (ЖИВОЕ СУЩЕСТВО), потому что это выражение имеет репродуктивный, устойчивый характер и не отражает реальной концептуализации окружающих событий, хотя — нет сомнений — подобного рода факты полезны в исследованиях по исторической (диахронической) семантике (к сожалению, в современном языкознании они становятся все более спорадичны).

Кроме ономаσιологического и семасиологического подходов, Камалова различает две парадигмы в языкознании: системо- и антропоцентрическую (там же, 15 сл.). Впрочем, данные парадигмы квалифицируются также как «подходы» — таким образом, остается неясным, каково отношение между первой и второй дихотомией подходов, т.е. можно ли, например, считать ономаσιологический подход антропоцентрическим, а семасиологический — системоцентрическим? Важнее, однако, то, что Камалова, одна из немногих в современном языкознании, стремится объединить структурные методы изучения языка и методы лингвокультурологии. С ее точки зрения компонентный анализ не исчерпал себя — он нуждается лишь в определенной модификации, в частности, во введении в поле зрения так называемых интегральных семантических признаков.

Семантическая структура слова помимо дифференциальных компонентов включает разного рода недифференциальные (интегральные, потенциальные, ассоциативные) компоненты. Они не нужны для построения оппозиций, структурно значимых для данного языка, но являются реальными элементами языковой компетенции, актуализируются в речи, составляют основу семантического варьирования слова и его диахронического развития, обуславливают сочетаемость и ассоциативные связи слова; высокая коммуникативная релевантность — вот особенность этих компонентов (там же, 30).

Выступая сторонницей интегративного подхода в языкознании, Камалова, ссылаясь на работы Н.Д. Арутюновой и А. Вежбицкой, критикует введенное Ч. Моррисом выделение трех аспектов знака: семантику, синтаксис и прагматику. Она считает, что функциональная дискретность знака выступает только в искусственных языках, тогда как в естественном языке все аспекты знака взаимосвязаны, поэтому синтаксис и прагматика «включены в орбиту семантических исследований» (там же, 35).

Здесь, с моей точки зрения, мы имеем дело с другой методологической неточностью: в действительности все как раз наоборот: именно в искусственных языках, например, в метаязыке логики предикатов, различие между семантикой, синтаксисом и прагматикой сведены к минимуму. Часто прагматика вообще отсутствует, а семантические категории, как мы наблюдаем это в модели К. Айдукевича (Ajdukiewicz 1985, 222 сл.) или в универсальном семантическом коде В.В. Мартынова (1977), определяются синтаксически, т.е. как композиции базовых категорий. Специфика естественных языков как раз и заключается в том, что семантика не сводима ни к синтаксису, ни к прагматике, а отношения между содержанием и формой асимметричны, что и требует их диспаратного изучения (хотя это, разумеется, не исключает возможности или даже необходимости их интегративного, континуального исследования).

При исследовании русских предикатов состояния используется «процедура вертикального и горизонтального анализа семантики слова» (там же, 21):

в первом случае вышестоящие значения сравниваются с нижестоящими, во втором — сравниваются значения одного и того же иерархического уровня, независимо от их отношений (смежности, пересечения или дополнительности).

Категориальное значение состояния представляется Камаловой следующим образом: в структуре референциальной ситуации (или «сцены») содержится одноместный предикат и пассивный субъект («пациент»); для этой ситуации характерна протяженность во времени, статичность и неконтролируемость (там же, 116). Выделяются тематические классы предикатов состояния. Для каждого класса определяются ядерные (т.е. наиболее типичные) предикаты. Далее —

с помощью компонентного анализа устанавливаются семы, характерные для конкретной семантической области, их иерархия; дается лексико-грамматическая характеристика, выделяются парадигматические отношения языковых единиц, их место в структуре класса (там же, 125).

Компонентный анализ дополняется функционально-семантическим, объектом которого являются фреймы: 1) поверхностно-синтаксический; 2) поверхностно-семантический; 3) тематический и 4) фрейм повествования.

Поверхностно-синтаксический фрейм означает структуру «имя — глагол», т.е. «прототипические ситуации, закрепленные за определенными структурно-синтаксическими конструкциями» (там же, 127). Поверхностно-семантический фрейм — это информация о разного рода квалификаторах состояния, таких, как цели или следствия. Тематический фрейм опирается на ассоциативные связи предикатов, а фрейм повествования — на последовательность ситуаций в рамках одного, описываемого в тексте события.

Данные исследовательские принципы и постулаты реализуются при описании четырех типов предикатов состояния: физического, физиологического, психического и общественного. Так, в области физического состояния выделяется несколько тематических подклассов, в зависимости от типа носителя состояния (пациента). Например, в случае субъектного состояния пациентами являются материальные предметы (люди, вещи, вещества), а в случае бессубъектного (амбиентного) — «окружение» материальных предметов, ср. примеры первого и второго типа:

*Лоб стал горячий.
Руки стали мокрыми.
Морозно.
На улице шумно.*

При описании семантики физических состояний Камалова сосредоточивает свое внимание, главным образом, на предикатах со значением «осадки».

В качестве имени прототипической ситуации этого типа рассматривается лексема *дождь*, все же остальные лексемы определяются на фоне прототипической. Так, *ливень* — это ‘очень сильный дождь’, *дождик* — ‘мелкий и непродолжительный дождь’, *изморось* — ‘мелкий дождь’ и т.д. При этом отмечается (и это в исследовании Камаловой особенно ценно), что русский литературный язык стремится к обобщению, стереотипному представлению состояний погоды, тогда как в диалектах наблюдается, напротив, «более дробное денотативное членение», что отражается в большем богатстве соответствующих лексических номинаций (там же).

В аспекте поверхностно-синтаксического фрейма состояние «осадки» характеризуется безличностью, т.е. не ассоциируется с действием какого-либо субъекта. Синтаксически это находит отражение в форме односоставных, в частности, безличных предложений:

*Дождит.
Дождливая погода.
Дождливо.*

В аспекте поверхностно-семантического фрейма обращается внимание на локализацию и темпорализацию состояний погоды, а также на такие дополнительные параметры ситуации состояния, как «квантитативная и квалитативная характеристика» — они реализуются, например, в предложениях:

*В лесу идет дождь.
Весь день идет дождь.
На улице моросило.
Шли косые ливни.*

Тематический фрейм предикатов физического состояния содержит информацию об отношениях «между разными сценами». Имеются в виду ассоциативные семантические связи типа: *дождь* — *грязь*, *слякоть*, *сырость*, *лужи*, *плащ*, *зонт* и т.д.

Наконец, повествовательный фрейм включает целые текстовые блоки, в которых данное физическое состояние связано с теми или иными

референтными ситуациями, причем речь идет о так называемых прецедентных текстах, т.е. обладающих высокой значимостью для культуры и фреквентивностью, т.е. известностью большинству ее представителей. Это касается, например, известных строк Бориса Пастернака:

*Снег идет, снег идет,
Словно падают не хлопья,
А в заплатанном салопе
Сходит наземь небосвод.*

Предложенный Камаловой системно-функциональный подход, а также оригинальная комплексная методика исследования, как представляется, могут быть с успехом использованы в лексикографической практике, а именно — при создании толковых словарей нового типа, т.е. включающих лингво-культурологическую информацию.

Отмечая несомненные достоинства рассматриваемой концепции, нельзя не отметить и ряд упущений ее автора. Прежде всего это касается трактовки предикатов состояния как одноместных (см. выше), что противоречит языковому материалу. Предикаты физического состояния, относящиеся к классу «нахождение» (*находиться, лежать, сидеть, висеть* и др.) являются двухместными, структура соответствующих пропозиций имеет вид: $P(x, y)$. В качестве предикатов психического состояния Камалова рассматривает глаголы *удивляться* и *поражать*, но совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с двухместными предикатами второго порядка:

*Иван удивляется тому, как Маше удастся сохранить спокойствие — $P(x, Q\dots)$.
То, что Маша всегда сохраняет спокойствие, поражает Ивана — $P(Q\dots, y)$.*

В области общественных состояний Камалова рассматривает только одну разновидность — «имущественное состояние» (там же, 276 сл.), но кажется весьма сомнительным, что, во-первых, владение относится к одноместным предикатам — все-таки здесь налицо отношение двух аргументов: *У принадлежит x-y*; во-вторых, такой предикат открывает места для посессора (или диспонента) и объекта владения, который необязательно является лицом, ср.: *владеть имуществом*. Таким образом, социальный характер данного предикативного отношения вовсе не очевиден, а адъективные предикаты типа *богатый, бедный*, которые подробно анализируются в книге Камаловой, имеют аксиологическое содержание, основывающееся на понятии нормы. К области социативных предикатов состояния относятся, например, симметричные глаголы *дружить, враждовать, соседствовать* и т.п., но они почему-то остались за кадром.

Заключение

В заключение следует отметить, что исследования русской функциональной школы пользуются заслуженным признанием в европейской и мировой лингвистике. В первую очередь это касается фундаментальной серии *Теория функциональной грамматики* под редакцией А.В. Бондарко, а также ряда лексикографических работ, среди которых выделяется *Синтаксический словарь* Г.А. Золотовой. В последние десятилетия наметились новые направления в данном русле исследований, в частности, когнитивное и лингвокультурологическое (например, при описании категории вида). Все это сулит нам новые достижения в области функциональной лингвистики, которая в более полной мере отвечает бы потребностям современной культуры — таким, как практика перевода, обучение языку, автоматическая обработка текстов и др.

Bibliografia

- Апресян, Ю.Д. (2001), «Русский синтаксис в научном освещении» в контексте современной лингвистики. В кн.: Пешковский, А.М., *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва, с. III–XXXIII.
- Бондарко, А.В. (1978), *Грамматическое значение и смысл*. Ленинград.
- Бондарко, А.В. (1983), *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Москва.
- Бондарко, А.В. (1984), *Функциональная грамматика*. Ленинград.
- Бондарко, А.В. (1985), *К теории функциональной грамматики*. В кн.: Ярцева, В.Н. (ред.), *Проблемы функциональной грамматики*. Москва, с. 16–29.
- Бондарко, А.В. (1987), *К истолкованию понятия «функция»*. «ИАН ОЛЯ» № 45/3, с. 195–207.
- Бондарко, А.В. (1995), *Семантика глагольного вида в русском языке*. Frankfurt/M. etc.
- Бондарко, А.В. (ред.) (1990), *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Ленинград.
- Бондарко, А.В. (ред.) (1992), *Теория функциональной грамматики. Субъективность. Объективность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность*. Санкт-Петербург.
- Всеволодова, М.В. (2000), *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка*. Учебник. Москва.
- Золотова, Г.А. (1973), *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва.
- Золотова, Г.А. (1982), *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва.
- Золотова, Г.А. (1988), *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. Москва.
- Золотова, Г.А., Онипенко, Н. К., Сидорова, М. Ю. (1998), *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва.
- Золотова, Г.А. (1985), *К построению функционального синтаксиса русского языка*. В кн.: Ярцева, В.Н. (ред.), *Проблемы функциональной грамматики*. Москва, с. 87–92.

- Камалова, А.А. (1998), *Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах*. Архангельск.
- Мартьянов, В.В. (1977), *Универсальный семантический код. Грамматика. Словарь. Тексты*. Минск.
- Новоженова, З. (2001), *Русское глагольное предложение: структура и семантика*. Słupsk.
- Откупщикова, М.И. (1978), *Части речи и местоимения*. «Структурная и прикладная лингвистика» № 1, с. 48–56.
- Пешковский, А.М. (2001), *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- Супрун, А.Е. (1971), *Части речи в русском языке*. Москва.
- Шелякин, М.А. (2001), *Функциональная грамматика русского языка*. Москва.
- Ajdukiewicz, K. (1985), *Język i poznanie*. T. 1. Warszawa.
- Ehrich, U. (1990), *Bedeutungsanalyse in einem sprachverstehenden System unter Berücksichtigung pragmatischer Faktoren*. Tübingen.
- Flämig, W. (1977), *Zur grammatischen Klassifizierung des Wortbestandes im Deutschen*. В кн.: Helbig, G. (ред.), *Beiträge zur Klassifizierung der Wortarten*. Leipzig, с. 39–52.
- Kempgen S. (1981), „*Wortarten*“ *als klassifikatorisches Problem der deskriptiven Grammatik. Historische und systematische Untersuchungen am Beispiel des Russischen*. München.
- Lewandowski, T. (1984), *Linguistische Wörterbuch*. Bd. 1. Heidelberg.
- Peyer, A. (1997), *Satzverknüpfung — syntaktische und textgrammatische Aspekte*. Tübingen.
- Piernikarski, C. (1990), *Struktura syntaktycznych grup homogenicznych (w zestawieniu z niektórymi grupami heterogenicznymi)*. Wrocław etc.
- Shin, H.-S. (1993), *Kasus als funktionale Kategorie. Zum Verhältnis von Morphologie und Syntax*. Tübingen.
- Sommerfeldt, K.-E., Starke, G. (eds.) (1984), *Grammatisch-semantische Felder der deutschen Sprache der Gegenwart*. Leipzig.

Aleksander Kiklewicz

THE RUSSIAN SCHOOL OF FUNCTIONAL GRAMMAR:
POSTULATES, DIRECTIONS, PERSONAL REFERENCES

Summary

The study concentrates on the functional bases of the linguistic theory of a language. The author discusses the current directions of functional investigations in Russian linguistics, namely the conceptions by A.V. Bondarko, M.A. Šeljakin, M.I. Otkupščikova, G.A. Zolotova, M.V. Vsevolodova, Z.L. Novoženova, A.A. Kamalova. Such categories of functional grammar are in centre of attention, as the functional-semantic field, the functional class, the continuative character of language system, the nominative vs. semantic approach in the functional grammar and other. Moreover the author considers the functional classification of part of speech, as well so the completion of grammatical description with the information about the cultural background of grammatical forms of language.

Aleksander Kiklewicz

ROSYJSKA SZKOŁA GRAMATYKI FUNKCJONALNEJ:
POSTULATY, KIERUNKI, LUDZIE

Streszczenie

Niniejszy artykuł jest poświęcony funkcjonalnym podstawom lingwistycznej teorii języka. Autor omawia bieżące kierunki funkcjonalnych badań w językoznawstwie rosyjskim, a mianowicie koncepcje takich badaczy jak A.W. Bondarko, M.A. Szeljakin, M.I. Otkupszczikowa, G.A. Zołotowa, M.W. Wsiewołodowa, Z.L. Novoženova, A.A. Kamałowa. Kategorie gramatyki funkcjonalnej, znajdujące się w centrum uwagi, to pole funkcjonalno-semantyczne, klasa funkcjonalna, ciągły charakter systemu językowego, nominatywne a semantyczne podejście w gramatyce funkcjonalnej oraz inne. Ponadto, autor rozważa funkcjonalną klasyfikację części mowy, jak i uzupełnienie opisu gramatycznego informacją o tle kulturowym form gramatycznych języka.